

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ III

ВЫПУСК 2

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Декабрь 1928 г.

Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург*

Редактор издания академик *В. В. Бартольд*

Начато набором в марте 1927 г. — Окончено печатанием в декабре 1928 г.

3 тит. листа + 6 вкл. + 586 стр.

Ленинградский Областлит № 44806 и 5799. — 37²/₁₆ печ. л. — Тираж 850

Государственная Академическая Типография
В. О., 9 линия, 12

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1928

49. P. Pelliot. Les mots à *h* initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles. Journal Asiatique. Avril-Juin 1925, p. 193—263.

50. P. Pelliot. Le prétendu vocabulaire mongol des *kaitok* du Daghستان. Journal Asiatique. Avril-Juin 1927, p. 279—294.

Монголоведение давно уже миновало ту стадию, когда монголисты в своих лингвистических исследованиях ограничивались одним лишь письменно-монгольским языком. Сравнительно юная еще отрасль монголоведения — диалектология, начало которой было положено непревзойденными и теперь работами Г. И. Рамстедта, получившая свое дальнейшее развитие в трудах русских монголистов, очень скоро дала возможность применить к исследованию монгольского языка сравнительный метод. Главной заслугой русских монголистов в этом отношении является накопление богатейших материалов по отдельным наречиям в виде записей народных произведений почти всех монгольских племен, из которых, однако, к великому прискорбию, лишь немногие увидели свет, в то время как главная масса их остается все еще неизданной. Но все же, оставаясь неизданными, эти материалы русскими монголистами в исследовании вопросов, связанных с историей монгольского языка, постоянно имеются в виду и единственной, пожалуй, отрицательной стороной этого, если не считать неудобства пользования рукописными собраниями, является то, что в русской монголоведческой среде многое считается общеизвестным и азбучной истиной, в то время, как в литературе никаких указаний на этот счет не существует.

Достигнув столь широкого развития, монгольское языковедение в свою очередь, естественно выдвинуло необходимость исторического подхода к выяснению ряда явлений монгольского языка. Обладание, с одной стороны, материалом почти по всем живым наречиям, а с другой стороны — памятниками письменного языка почти всех эпох создало теперь для монголистов вполне нормальные условия работы. Но одних современных живых монгольских наречий и письменного языка еще мало, и для полного понимания процесса образования современных наречий необходимы еще материалы по древне-монгольским живым наречиям, которые позволили бы установить более древние стадии развития этих наречий. И в этом отношении монголоведение находится во вполне благоприятных условиях. Народ, покоривший почти всю Азию, каким были монголы в достаточно отдаленные времена, естественно представлял для своих соседей, кроме политического интереса, также огромный научный интерес, вылившийся во всестороннее изучение его со стороны сопредельных народов. Прямым результатом этого явился

ряд более или менее полных трудов также по языку монголов. Арабы, персы, армяне, грузины, турки и китайцы — вот те народы, в литературе которых мы находим, помимо исторических и этнографических, также лингвистические сведения о древних монголах. Ибн ал-Муханна, несколько арабов-анонимов, Хамдаллах Казвини, Киракос, один анонимный грузинский историк XIV ст., турецкий путешественник Эвлия Челеби XVII ст. и китайцы, составители разных словарей и других пособий по монгольскому языку разных эпох — вот те источники, которыми ныне располагает монголоведение при решении вопросов, связанных с историей монгольских наречий, дающие нам архаичные формы их, которые с другой стороны продолжают жить в архаичных современных наречиях, как-то могольском, дагурском и разных говорах провинции Гань-су.

Многие из упомянутых источников по древне-монгольским наречиям неоднократно были использованы исследователями, особенно мусульманские источники,¹ сведения, сообщаемые анонимным грузинским автором XIV ст.² и Киракосом.³ Одни лишь китайские источники древне-монгольского языка до самого последнего времени оставались в стороне, что объясняется, конечно, тем, что работу по исследованию этого материала мог предпринять лишь синолог: слишком мало доступен этот материал для других в силу трудности расшифровки монгольских слов в оболочке китайских иероглифов. Большая заслуга в этом отношении принадлежит известному исследователю Средней Азии проф. Pelliot, находящемуся в обладании как самих материалов, так и средств к их использованию.

В своей недавно вышедшей в свет работе «Les mots à *h* initiale» etc., автор использовал из китайских источников главным образом Хуа-и-и-юй, словарь эпохи 1368—1389 гг., И-юй, словарь 1598 г. в издании XIX ст. и монгольский текст *Mongyolun ni'uca tobči'an* (Юань-чао-би-ши) в транскрипции китайскими иероглифами. Помимо того, автором приняты во внимание монгольские памятники квадратного письма, глоссарий Киракоса и выше упоминавшийся труд Ибн ал-Муханна, а также материалы по дагурскому наречию Ивановского и мелкие списки слов по наречиям широнгольскому, шира-югурскому и т. д. Как показывает заглавие работы, она посвящена одному частному вопросу истории монгольского языка,

¹ П. М. Мелиоранский, Араб-филолог о монгольском языке. СПб., 1903; Н. Поппе, Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини. ЗКВ, I, стр. 195 и сл.; К. Порре, Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. ИАН, 1927, стр. 1009 и сл.

² Б. Я. Владимирцов, Анонимный грузинский историк XIV в. о монгольском языке. ИРАН, 1917, стр. 1487 и сл.

³ Глоссарий Киракоса использован почти во всех цитованных здесь работах.

а именно вопросу о звуке *h* в начале слова в древне-монгольском языке, который впоследствии почти всюду исчез, сохранившись лишь в некоторых наречиях, которые автором и привлекаются в его статье.

Вопрос о существовавшем некогда в монгольском языке (XIII—XIV ст.) звуке *h* в начале многих слов, исчезнувшем впоследствии почти всюду, за исключением наречий дагурского и ряда мелких говоров провинция Гань-су, не нов. На него уже неоднократно обращалось внимание, и Г. И. Рамstedту удалось даже установить закономерное соответствие монгольских форм с *h*- (ныне без него) таковым с *f*- в манджурском языке и *p*- и *h*- ряда тунгусских наречий и возвести эти формы типа мо.¹ *aral* 'оглобля' (< **haral*) = ма.² *fara* id. к праязыковым формам с **p*- или **g*.³ Но в то время, как все известные доселе древне-монгольские формы исчерпывались только формами квадратного письма и сообщаемыми Ибн ал-Муханной, Кпракосом и Эвлия Челеби, проф. Pelliot в своей новой работе значительно увеличил количество их и, подтвердив на основании китайских источников во многом правильность прежде известных, дополнил их новыми примерами и дал более или менее полный перечень таких форм. В этом прежде всего заключается заслуга его работы.

Считая нелишним привести эти формы, даю здесь список их в алфавитном порядке, тем более, что в обсуждаемой работе они даются в довольно неудобной последовательности.⁴

<i>ha'alijin</i> 'паук' (мо. <i>araljin</i>)	<i>harban</i> '10' (мо. <i>arban</i>)
<i>hab</i> 'колдовство' (мо. <i>ab</i>)	<i>hargasun</i> имя сына Альджидаля (мо. <i>arγasun</i> , ср. <i>arγasun</i> 'кизяк')
<i>habarba</i> 'благодарить'	<i>hasa</i> - 'спрашивать' (мо. <i>asaγ-</i>)
<i>haci</i> 'воздаяние' (мо. <i>aci</i>)	<i>ha'ul</i> - 'мчаться на коне'
<i>haijūya</i> 'корабль'	<i>ha'ut</i> - 'истереть'
<i>halagan</i> 'ладонь' (мо. <i>alaya</i>)	<i>heciis</i> ⁴ 'конец' (мо. <i>eciis</i>)
<i>habuγa</i> (в подлиннике <i>hulγa</i>) 'молот' (мо. <i>abuγa</i>)	<i>heyil</i> - 'удаляться' (мо. <i>eyil-</i>)
<i>hanisqa</i> 'решницы' (мо. <i>anisqa</i> 'веко')	<i>heki</i> 'голова' (мо. <i>ekin</i>)
<i>hanqa</i> - 'жаждать' (мо. <i>angqa-</i>)	<i>hele'e</i> 'коршун' (мо. <i>eliye</i>)
<i>hagan</i> 'люди' (мо. <i>aran</i>)	<i>heligen</i> 'печень' (мо. <i>eligen</i>)

¹ Письменно-монгольский язык.

² Манджурский язык.

³ G. J. Ramstedt, Ein anlautender stimmloser labial in der mongolisch-türkischen Ursprache. JSFOu, XXXII, № 2.

⁴ Вместо *e* в оригинале всюду *ä*. Придерживаясь общепринятой у монголистов транскрипции, здесь заменяю *ä* знаком *e*.

<i>hemtere</i> - 'сломаться' (мо. <i>emtere</i> - 'образуется шербина')	<i>hontuša</i> - 'состязаться в стрельбе из лука' (мо. <i>ontus</i> - 'стрелять через мету')
<i>herbegei</i> 'бабочка' (мо. <i>erbekei</i>)	<i>hogar</i> 'короткий' (мо. <i>oγor</i>)
<i>heregei</i> 'большой палец' (мо. <i>erekei</i>)	<i>hogtori</i> - 'резать' (мо. <i>oγtal-</i>)
<i>hergi</i> - 'вертеть' (мо. <i>ergi-</i>)	<i>hogtorqui</i> 'пустой' (мо. <i>oγtarqui</i> 'небо')
<i>herü</i> - 'быть опечаленным'	<i>horci</i> - 'окружить' (мо. <i>orci-</i>)
<i>herü-baru-da</i> 'когда становились сумерки'	<i>horgil</i> 'вершина' (мо. <i>orgil</i>)
<i>hetkebe</i> 'быть разрезаемому' (мо. <i>edke-</i> ~ <i>eske-</i>)	<i>horγaba</i> 'спастись' (мо. <i>orγo-</i>)
<i>he'üd</i> 'гнезда' (мо. <i>egür</i> 'гнездо')	<i>horim</i> 'тропа' (мо. <i>orim</i> 'след, путь')
<i>he'üsiye</i> - 'не переносить' (климата)	<i>horqa</i> - 'окружить'
<i>hiče</i> - 'стыдиться' (мо. <i>iči-</i>)	<i>hudasun</i> 'нитка' (мо. <i>utasun</i>)
<i>hičesün</i> 'ива'	<i>hudus</i> 'вдоль, в округе, около'
<i>hidari</i> 'цикорий' (мо. <i>idere</i>)	<i>huja'ur</i> 'происхождение, корень' (мо. <i>ijayur</i>)
<i>hiimi</i> 'маленькая змея'	<i>hula</i> 'трут' (мо. <i>ula</i>)
<i>hilyat</i> 'предсказание'	<i>hula'an</i> 'красный' (мо. <i>ulaγan</i>)
<i>hilyat-</i> 'быть кусаемым мошкаркой' (мо. <i>ulaγan</i> 'мошкара')	<i>hulu'u</i> 'персик'
<i>hirgüi</i> или <i>hirγüi</i> 'строгий'	<i>hunta'u</i> 'несчастье' (мо. <i>untuγun</i> 'выражение гнева')
<i>hirije</i> - 'покинуть'	<i>huquta</i> 'менок' (мо. <i>uγuta</i>)
<i>hirmes</i> 'миг' (мо. <i>irme</i> - 'мигать')	<i>huraqala</i> - 'ловить сылком' (мо. <i>uraxa</i> 'сылки', <i>urγa</i> 'укрюк', <i>urγala-</i> 'укрючить')
<i>hiru'ar</i> 'дно' (мо. <i>iruγar</i>)	<i>hurba</i> - 'отступиться' (мо. <i>urba-</i>)
<i>hirü'er</i> 'молитва' (мо. <i>irüger</i> ~ <i>irügel</i>)	<i>hurul</i> 'губа' (мо. <i>uruγul</i>)
<i>hiši</i> (в оригинале <i>hisni</i>) 'черенок' (мо. <i>esi</i>)	<i>huru'u</i> 'вдоль' (мо. <i>uruγu</i>)
<i>hi'utan</i> 'узкий' (мо. <i>uyitan</i>)	<i>husan</i> или <i>hüsen</i> 'гвой'
<i>ho'ara</i> - 'отсутствовать'	<i>husun</i> 'сперма'
<i>hodun</i> 'звезда' (мо. <i>odun</i>)	<i>huya</i> - 'связывать' (мо. <i>uγa-</i>)
<i>hoi</i> 'лес' (мо. <i>oi</i>)	<i>huyil</i> - 'кружиться' (о воде, мо. <i>uyil-</i>)
<i>hoimas</i> - 'оказывать покровительство'	<i>huyuba</i> 'закрывать' (дверь и т. п.)
<i>hoimusu</i> 'чулок' (мо. <i>oyimusun</i>)	<i>höbögötür</i> мужское имя
<i>hojitala</i> , <i>ho'ojitala</i> (значение невыяснено)	<i>hö'e</i> - 'испакостить'
<i>hon</i> 'год' (мо. <i>on</i>)	<i>hö'elün</i> имя матери Чингис-Хана (мо. <i>ögeleu</i>)
<i>hončit</i> - 'упрекать'	<i>höröne</i> 'запад' (мо. <i>örüne</i>)
	<i>hüde</i> - 'проводить' (мо. <i>üde-</i>)

<i>hüdesün</i> 'кожа'	<i>hünesün</i> 'пепел' (мо. <i>ünesün</i>)
<i>hükdere-</i> 'иметь рецидив болезни'	<i>hüni</i> 'дым' (мо. <i>üni</i>)
(мо. <i>ügdere-</i>)	<i>hüñir</i> 'запах' (мо. <i>ünir</i>)
<i>hüker</i> 'бык' (мо. <i>üker</i>)	<i>hüre</i> 'зерно, плод' (мо. <i>üre</i>)
<i>hülde-</i> 'преследовать' (мо. <i>ülde-</i>)	<i>hürtesün</i> 'лоскуток' (мо. <i>örtösün</i>)
<i>hüle-</i> 'быть в излишке' (мо. <i>üle-</i>)	'опилки')
<i>hülürige-ül-</i> 'находиться в полу-	<i>hürü-</i> 'тереть' (мо. <i>ürü-</i>)
сумраке'	<i>hüsün</i> 'волосы' (мо. <i>üsün</i>)
<i>hümegei</i> 'вонючий' (мо. <i>ümekei</i>)	<i>hü'ü-</i> 'гнать'
<i>hümsibe</i> 'совокупляться'	<i>hyba</i> 'запереть'
<i>hünegen</i> 'лисица' (мо. <i>ünegen</i>)	<i>hyürü</i> 'u 'оглушенный'

Список этот охватывающий около сотни монгольских форм с *h-* дает целый ряд совершенно новых, прежде неизвестных, примеров. Отождествление многих из этих форм с современными не представляет собою затруднений, но есть ряд таких слов, которые очень трудно связать с современными формами. Поэтому некоторые остались проф. Pelliot не объясненными. Однако, далеко не все из оставшихся необъясненными являются действительно необъяснимыми.

Так, например, *habarba* 'благодарить' (стр. 242) вовсе не такое уже трудное слово: безусловно это нынешнее *abwga-* 'спасать, оказывать содействие, соболезновать', ср. як. абрә- 'миловать, прощать' и кир. абырак (от абыра-) 'вежливость' и т. д. Фонетически и семасиологически такое сближение вполне допустимо. Не объяснено (стр. 203) без достаточных оснований *ha'ul-* 's'élancer (étant à cheval), courir (à cheval)': в письменном языке имеется производное от этого глагола, ср. *uilya* 'грабеж, военная добыча, передовой отряд' и т. д., которое восходит к **ayulya* от глагола *ayul-*. Форма *he'üsiye-* 'не переносить климата' (стр. 216) вполне соответствует даже по смыслу мо. *ügüsiye-* 'сушить на солнце': форма *ügüsiye-* восходит к **egüsiye-*, и вокализм *ü* вместо *e* объясняется тем, что в живой речи произошло стяжение, вследствие чего в правописании и утвердилась такая форма так же, как например, наряду с *уи-* 'пить' наблюдается *аи-* и т. д. Очень хорошее соответствие для *hüsesün* 'ива' имеется и в письменном языке и в живых говорах: в бурятских рукописях *ösiyesü* 'тополь' (обычное смешение *š* и *č*) < *ösiyesün*, бур. аларск. ошбһёд, нижнеуд. ишбһёд 'ива' (на бурятские формы, впрочем, автор, ссылается). Правильно отождествленное с мо. *ilaya* 'мошкар' *hüluqat-* 'быть кусаемым мошкаркой' (стр. 217) имеет точное соответствие в халхаском *jaläd-* 'быть облепленным комарами, мошками' и т. д. Форма эта, засвидетельствованная

в Юань-чао-би-ши,¹ теперь, после разъяснения, сделанного Вл. Л. Котвичем,² уже никаких сомнений не возбуждает.

Чрезвычайно интересной формой является *ho'ojitala* или *hojitala* (стр. 221), оставшаяся автору непонятной, как и вся фраза, где она засвидетельствована.

Встречается это слово в следующем выражении (Юань-чао-би-ши): *ukitala boqtalaju hojitala büselejü* и дальше *horaitala boqtalaju ho'ojitala büselejü nitaitala boqtalaju nidurtala büselejü*.

Перевод этих мест, действительно, представляет большие затруднения, и только некоторые слова поддаются отождествлению с общеизвестными формами письменного языка. Второй отрывок можно гадательно перевести следующим образом: «устроила прическу до макушки, опоясалась до кофты, устроила прическу так, что свисло (?), опоясалась так, что стукнуло».

Как сильно напоминает этот отрывок — если он только отдаленно правильно понят здесь — такие общие места современных халхаских эпических произведений, как например:

хүхэ дүгү хисё
хүрү т'орго олобмг
хүлүрерин т'а'т'ау.
сар'т'ал т'а'т'ау,
сар үлг боддо т'а'т'ау;
над т'ал т'а'т'ау,
нажйү үлг боддо т'а'т'ау.

«Темную шелковую подпругу, сделанную младшей сестрой, потянул он через область брюха. Тянул, так что растягивалась, месяц и год думая, тянул; тянул в эту сторону, восемьдесят лет думая, тянул» (говорится о витязе, собирающемся в поход и седлающем коня).

Здесь *horaitala* от *horai* (ср. *horai* 'макушка' в надписи Цзюй-юн-гуаньских ворот), *ho'ojitala* от *ho'oji* = мо. *ooji* 'парадная женская кофта', *nitaitala* вероятно от *nitai-* = мо. *natayi-* 'свисать' и *nidurtala* от *nidur-* 'ударить кулаком, ударить'. Подбор этих слов объясняется рифмой. То же значение имеют эти формы и в первом отрывке. Таким образом, можно с некоторой уверенностью считать, что *ho'ojitala* есть образование от *ho'oji* 'кофта', если только не пытаться связывать это с *ooči* 'внутренняя сторона щеки' или *ишса*, *ишса* 'крестец, стегно', которые и фонетически и по смыслу мало подходят.

¹ Ср. P. Pelliot, A propos des Comans. JA Avril-Juin 1920, p. 176 и сл.
² В. Котвич. К изданию Юань-чао-би-ши. ЗНВ. I, стр. 239.

